

В. Н. Брюшинкин

ЛОГИКА КАНТА
И МЕТАФИЗИКА
СТРОСОНА*

Уточняется способ взаимодействия формальной и трансцендентальной логик при помощи введения онтологических соображений, основанных на дескриптивной метафизике П. Стросона. Понятия партикулярности, видовой универсальности и характеризующей универсальности вводятся в трансцендентальное ограничение выводов формальной логики.

This article defines the way of interaction between formal and transcendental logic through introducing ontological considerations based on P. Strawson's descriptive metaphysics. The notions of a particular, a sortal universal and a feature universal are introduced into the transcendental limitation on the inferences of formal logic.

Ключевые слова: формальная логика, трансцендентальная логика, дескриптивная метафизика, онтология, партикулярность, универсальность.

Key words: formal logic, transcendental logic, descriptive metaphysics, ontology, particular, universal.

**Модель взаимодействия
формальной
и трансцендентальной логик**

Как было показано в моей статье [2]¹, функция трансцендентальной логики (ТЛ) по отношению к выводам формальной логики (ФЛ) состоит в ограничении множества возможных следствий из данных суждений. Не все следствия, признаваемые законными формальной логикой, являются таковыми с точки зрения трансцендентальной, причем, что главное, ограничения пространства поиска логического вывода не задаются произвольно, а имеют ясные онтологические основания, связанные с кантовскими ограничениями на применение категорий.

---

* Статья содержит результаты исследований по проекту Российского фонда фундаментальных исследований № 09-06-00092а «Логика И. Канта: реконструкция и современное значение».

¹ Данная статья уточняет концепцию взаимодействия формальной и трансцендентальной логик, предложенную в [7] и развитую в [2]. Поэтому мне придется повторить некоторые положения этих работ.

В «Аналитике понятий» [В 128 – 129] Кант дает пример взаимодействия формальной и трансцендентальной логик, когда описывает отношение категории субстанции к функции категорического суждения. Внимательно прочитаем это место:

Так, функция категорического суждения была отношением субъекта к предикату, например, в суждении *все тела делимы*. Но в отношении чисто логического применения рассудка осталось неопределенным, какому из двух данных понятий нужно дать функцию субъекта и какому из них функцию предиката, ведь можно сказать также *некое делимое есть тело*. Но посредством категории субстанции, если подводить под нее понятие тела, определяется, что эмпирическое созерцание тела в опыте всегда должно рассматриваться только как субъект, а не как один только предикат [3, с. 189 – В 128 – 129]².

Приведенное высказывание важно для Канта, поскольку он включает подобные соображения в свое изложение трех важнейших предпосылок, на которых основывается вся трансцендентальная философия. В «Метафизических началах естествознания» говорится следующее:

Если признать, что таблица категорий полностью содержит все чистые рассудочные понятия, а также все формальные акты рассудка в образовании суждений, акты, из которых эти категории выводятся и от которых они не отличаются ничем, кроме того, что объект посредством рассудочного понятия мыслится определенным, имея в виду ту или иную функцию суждений (например, в категорическом суждении камень тверд в качестве субъекта берется камень, а в качестве предиката – тверд, так что рассудку не возбраняется поменять местами логические функции этих понятий и сказать: нечто твердое есть камень; напротив, если я представляю себе как нечто определенное в объекте, что при любом возможном определении предмета, а не только понятия, камень должно мыслить лишь в качестве субъекта, а твердость – лишь в качестве предиката, то те же самые логические функции становятся чистыми рассудочными понятиями об объектах, а именно в качестве субстанции и акциденции) [4, с. 64 – А XVIII].

И в первом, и во втором изданиях «Критики чистого разума» можно найти и другие похожие отрывки [В 149; В 186; В 288; А 242 / В300; А 348; А 401]. Цитированные и упомянутые строки содержат важную мысль о соотношении формальной и трансцендентальной логик, из которой можно вывести способ их взаимодействия. ТЛ рассматривает значения различных терминов (понятий) в суждениях, в зависимости от чего определяет их функцию в выводах ФЛ. Это наводит на мысль о различении двух видов терминов и разной их роли в структуре категорических суждений. Резюмируя ранее предпринятый анализ, можно сказать, что формальная дедукция с точки зрения трансцендентальной логики должна быть построенна таким образом, чтобы из суждений, имеющих интерпретацию в пределах возможного опыта, получались только такие же суждения и не получались суждения, не имеющие такой интерпретации. ТЛ отбрасывает суждения, которые не могут интерпретироваться в терминах возможного опыта или не нуждаются в этом. Уточнение положения категорий в структуре суждений представляет собой первую ступень такой процедуры. Вторая ступень состоит в ограничении применения самих категорий условиями чувственного созерцания в трансцендентальном схематизме. Однако в

---

² В квадратных скобках приводятся ссылки на русские переводы сочинений Канта, указанные в списке литературы, через тире – стандартная пагинация по первому (А) и второму (В) изданию «Критики чистого разума».

данной статье я ограничусь дальнейшей разработкой чисто логической стороны взаимодействия ФЛ и ТЛ.

Замечу, что в цитате из «Метафизических начал естествознания» (МНЕ) Кант говорит о подведении одного термина суждения под категорию субстанции, а другого — под понятие акциденции. Это требование разделяет все термины некоторого языка в соответствии с их возможной ролью как субъектов или предикатов категорических суждений.

Введем следующие определения:

а) термины, которые обозначают субстанции, назовем *субстанциальными терминами* — *с-терминами*;

б) термины, которые обозначают свойства и отношения, т.е. признаки, назовем *акцидентальными терминами* — *а-терминами*.

Например, в суждении «все тела делимы» «тело» — *с-термин*, а «делимый» — *а-термин*.

На основании процитированных фрагментов получается принцип, который я именую *трансцендентальным ограничением* (ТО)

(ТО) В каждом категорическом суждении *с-термин* может играть роль только субъекта и не может играть роль предиката, а *а-термин* может играть роль предиката и не может играть роль субъекта.

В статье [2] подробно описаны те ограничения, которые налагает (ТО) на силлогистическую дедукцию, и сделан вывод о том, что (ТО) запрещает некоторые весьма естественные выводы, заключения которых используются в кантовской трансцендентальной философии. Кант, конечно, не собирается устранять такие естественные суждения, как «Ни один дух не является телом» или «Все металлы — тела». А это означает, что наше (ТО) само следует принимать с ограничением. У Канта это новое ограничение можно найти в разделе «О логическом применении рассудка вообще» КЧР. Кант здесь пишет, что «понятия... относятся как предикаты возможных суждений к какому-нибудь представлению о не определенном еще предмете» [3, с. 167 — А 69 / В 94]. Если другие представления содержатся в этом понятии, то возможно использовать его как предикат в суждении, в котором термин, обозначающий это «какое-нибудь представление», играет роль субъекта. Кант здесь приводит пример: «Всякий металл есть тело» [3, с. 167- А 69 / В 94]. В соответствии с таким подходом *с-термин* может быть предикатом суждений, в которых субъект суждения становится представлением, подчиненным данному *с-термину*.

Суждения подобного рода, однако, являются аналитическими. Действительно, Кант пишет в разделе 10 «Аналитики понятий», что «путем анализа различные представления подводятся под одно понятие (эту деятельность рассматривает общая логика)» [3, с. 174 — А 78 / В104]. Сказанное в цитате означает, что мы можем использовать категорическое суждение, в котором *с-термин* играет роль предиката, но оно должно быть только аналитическим суждением вида «S есть Р», где Р — *с-термин*, а S обозначает представление, подчиненное этому термину. Я буду называть такие суждения субстанциальными аналитическими суждениями и предполагать, что ТЛ не запрещает порождение суждений данного вида.

Наше первоначальное (ТО) применимо только к суждениям, включающим по крайней мере один *а-термин*. Следовательно, нам необходимо модифицировать (ТО) таким образом.

(ТО*) В каждом категорическом суждении, за исключением субстанциальных аналитических, *с-термин* может играть роль субъекта и не может иг-

рать роль предиката, и в каждом без исключений категорическом суждении *a*-термин всегда играет роль предиката и не может играть роль субъекта.

Данное ограничение налагает на выводы ФЛ более слабое, но зато и более реалистическое условие.

Дескриптивная метафизика помогает трансцендентальной логике

В общем плане подход к построению систем дедукции, базирующийся на идее трансцендентальных ограничений, осуществляет идею процедуры поиска логического вывода, в которой сокращение переборов связано с ограничивающими дедукцию метаправилами, имеющими ясную онтологическую интерпретацию. Это обстоятельство отличает указанные процедуры от просто технических сокращений пространства поиска, при которых ограничения вводятся только на основании способности сокращать пространство поиска вывода. Примером таких технических приемов могут быть стратегии поиска, связанные с методом резолюций. Кантовская ТЛ подсказывает нам другой путь, следуя по которому, мы для сокращения пространства поиска используем *метаправила*, опирающиеся на ясные онтологические соображения. Эти онтологические соображения предназначены для построения процедур дедукции, которые дают нам следствия из принятых посылок, согласованные с той онтологией, на основании которой мы строим наши метаправила. В случае кантовской ТЛ онтология — это общая философская модель мира, наша концептуальная схема, позволяющая иметь сколько-нибудь состоятельные знания о мире. В принципе, возможна привязка процедур дедукции и к более конкретным онтологиям. Однако наша цель — уточнение способов взаимодействия ФЛ и ТЛ, а ТЛ связана с общими человеческими способами освоения мира. Поэтому я ограничусь философскими онтологиями, способными прояснить смысл введенных мною трансцендентальных ограничений. В качестве примера возьму онтологию, которую предполагает дескриптивная метафизика Питера Стросона, а точнее, часть его метафизики, применяемую им самим к способам различения субъекта и предиката в суждениях. Еще конкретнее — речь пойдет об элементах концептуальной схемы, позволяющих нам выделить те языковые выражения, которые предназначены играть преимущественно роль субъектов или предикатов в суждениях естественного языка. Первая трудность в применении стросоновских конструкций к трансцендентальной логике как раз и состоит в том, что он имеет дело с естественным языком, где проблема отличения субъектных выражений от предикатных вполне оправданна и осмысленна. Кант в качестве отправной точки своих рассуждений использует полуформализованный язык силлогистики, точнее те категорические суждения, где уже нет проблемы выделения субъектных и предикатных выражений. Она решена за счет обособления связки («есть») от терминов суждения и строгой структуры суждений, в рамках которой само место термина в суждении указывает, играет он роль субъекта или предиката. Это означает, что большая часть учения Стросона о различении субъекта и предиката в суждениях естественного языка просто неприменима к нашей теме взаимодействия ФЛ и ТЛ. Однако для нее существенны результаты стросоновского анализа, состоящие в выделении образцовых субъектов предикации — *партикулярий* — и классификации *универсалий*. Стросон начинает свой анализ с классической концепции, согласно которой партикулярии в суждении занимают положение субъекта, а

универсалии – предиката. Это напоминает наше (ТО), если отождествить кантовское понятие акциденции и стросоновское понятие универсалии. Точнее, если под *c*-термином подразумевать партикулярию, а под *a*-термином – универсалию, то мы получим (ТО^c), которое будет выглядеть точно так же, как (ТО)³. Выше уже были приведены аргументы в пользу того, что чисто логически данное правило налагает слишком строгие ограничения на дедукцию. Стросон даже не рассматривает столь жесткое правило и сразу описывает устоявшуюся точку зрения: «Традиционная система взглядов, которую нам приходится исследовать, сводится к теории, согласно которой партикулярии могут входить в рассуждения только как субъекты и никогда как предикаты, тогда как универсалии или вообще не-партикулярии могут появляться или как субъекты, или как предикаты» [5, с. 153–154]. Уже эта система взглядов схожа с нашим (ТО*) – с тем исключением, что упомянутые в нем субстанциальные аналитические суждения не позволяют любой универсалии быть субъектом суждения. В (ТО*) идет речь только о таких *c*-терминах, объем которых представляет собой множество объектов, подводимых под категорию субстанции. Наша задача – определить, каким образом концепция Стросона позволяет прояснить наше трансцендентальное ограничение и, возможно, придать ему новый онтологический смысл. Для этого надо проанализировать отношения понятий *c*-термина (субстанции), партикулярии, *a*-термина (акциденции) и универсалии.

Стросон систематически разбирает способы различения субъекта и предиката в предложениях естественного языка, ставя задачу исследовать *особое положение партикулярий* среди обозначаемых объектов: «...когда мы говорим о вещах, которые можно обозначить, то есть о вещах вообще, партикулярии, согласно распространенному мнению, занимают среди них особое положение. Именно теорию особого положения партикулярий среди обозначаемых предметов мы и будем исследовать» [5, с. 153]. Ответ на вопрос, что может играть роль субъекта предложения, вызывает значительные затруднения. Напрашивающийся ответ: партикулярии всегда играют роль субъекта, а универсалии – предиката – наталкивается на значительные трудности. Поэтому Стросон осторожно замечает: «Пока мы просто отметим традицию, согласно которой существует асимметрия между партикуляриями и универсалиями по отношению к различению субъекта и предиката» [5, с. 154]. Стросон в отличие от Канта не пытается от *логики* перейти к *метафизике*, он в соответствии со своими взглядами на концептуальную систему делает попытку исследовать ту обычную концепцию, которая встроена в наши способы использования естественного языка. Хотя Стросон, подобно Канту, при необходимости опирается и на логику, в частности он заявляет: «Если современная логика имеет то значение, которое мы склонны ей приписывать и которое предполагается нашим современным стилем философствования, то она должна отражать фундаментальные характеристики нашего мышления о мире. А в самом центре логики расположена обсуждаемая нами структура, "основное сочетание" (как однажды назвал ее Куайн) предикации» [12, р. 13]. В этом пассаже Стросон рассуждает практически так же, как Кант, пытаясь основывать свои представления о структуре мира на учете построения логических языков, точнее на более современной фундаментальной схеме *функтор – аргумент*, где аргумент – знак субъекта, а функтор – предиката. Здесь Стросон опирается на Фреге, который выделяет собственные имена и

---

³ С тем ограничением, что партикулярии обозначаются единичными терминами.

понятия-предикаты: «...собственное имя никогда не может быть выражением, обозначающим предикат, хотя оно может быть его частью» [6, с. 259]. Стросон пытается ввести различие между субъектными и предикатными выражениями, основываясь только на роли этих языковых структур в суждениях. Различие этих ролей в конечном счете сводится им к отличию в стилях введения объектов в рассмотрение: «Мы говорили о различиях в стиле введения объектов в рассмотрение, а не о различиях между типами вводимых в рассмотрение объектов» [5, с. 185]. В данном контексте Стросон обращается «к той характеристике различения субъекта и предиката, которая обнаруживает, во-первых, подобие между субъектным выражением и предикатным выражением в том, что они оба вводят в рассмотрение объекты, и, во-вторых, существенное различие, связанное с тем фактом, что предикатное выражение, но не субъектное выражение, несет в себе символическую функцию, которая в основополагающих случаях отличает суждение от простого списка терминов» [5, с. 185–186]. Стросон называет это субстантивным и утверждающим (или пропозициональным) способами введения объектов в рассмотрение, говоря о том, что первый присущ субъектным выражениям, а второй — предикатным (см. [5, с. 183]). Такой чисто грамматический критерий, по Стросону, нуждается в дополнении *категориальным* критерием, который имеет дело с *типами* вводимых в рассмотрение *объектов*. Обсуждая категориальный критерий различения субъектных и предикатных терминов, философ приходит к следующему заключению: «...можно построить смысл "предицировать", для которого верно, что можно и свободно предицировать универсалии, и предицировать им (как субъектам) другие объекты, тогда как партикулярии никогда нельзя свободно предицировать, хотя им (как субъектам) можно предицировать объекты и они могут быть частями того, что предицируется» [5, с. 199]. Стросон показал, что из этого критерия следуют и различие Фреге, и положения других авторов, а также проникательно проанализировал существовавшие критерии различения субъекта и предиката и построил свои критерии — «грамматический» и «категориальный», — позволившие ему учесть существенное содержание предшествующих попыток исследования этой проблемы. Однако до сих пор концепция Стросона может быть охарактеризована как усовершенствование традиционного взгляда с точки зрения достижений аналитической философии и повышенного внимания к способам употребления выражений в обычной речи с учетом достижений современной логики. Определенная новизна появляется при изучении философом вопроса о том, когда в суждении осуществляется распознающее обозначение партикулярии. При ответе на него у Стросона возникает новая идея, согласно которой «любое введение партикулярии в рассмотрение предполагает эмпирический факт в качестве пресуппозиции» [5, с. 233]. Рассмотрение этой идеи приводит к окончательному критерию различения субъектных и предикатных выражений, который «превосходно» согласуется и с грамматическим, и с категориальным критерием. Стросон предлагает «новый или средний критерий различения субъекта и предиката. Субъектным выражением является то, которое в некотором смысле преподносит факт самостоятельно и в определенной степени является завершенным. Предикатным выражением — то, которое ни в каком смысле не преподносит факта самостоятельно и в этой степени незавершенно» [5, с. 219].

В отличие от Канта Стросон в «Индивидах» нигде не говорит о субстанции, и это свидетельствует о специфике дескриптивной метафизики, которая формулирует концептуальную схему анализа мира, встроенную в наш обыч-

ный язык. Конкретные объекты (партикулярии) и эмпирические факты (пре-
суппозиции₁) составляют основу рассуждений Стросона. Однако, чтобы выяс-
нить отношение разработанной им в «Индивидах» концепции к понятию суб-
станции, философу приходится разобраться с более традиционными взгляда-
ми, включающими метафизические в смысле ревизирующей метафизики пред-
положениями. В более поздней публикации, посвященной взглядам Канта на
субстанцию, он связывает проблематику различения субъектных и предикат-
ных выражений с категорией субстанции. Для определения возможности тер-
минов занимать место субъекта или предиката в суждении в кантовской кон-
цепции существенна связь с категориями субстанции и акциденции. Именно
этим обусловлен тщательный анализ кантовской категории субстанции, кото-
рый проводит Стросон. Он утверждает, что на первый взгляд кантовская кон-
цепция субстанции похожа на аристотелевскую и куайновскую. Субстанции
— это первые сущности Аристотеля, понятия которых могут быть субъектами
суждений или которые могут быть объектами обозначения [11, р. 271]. Говоря
о понятии субстанции, Стросон постоянно употребляет слово «irreducibly»,
т.е. понимает субстанцию как сущность, которая несводима к другим сущно-
стям. Философ начинает свой анализ с ответа Канта на вопрос о формальном,
или логическом, критерии субстанции: «Формальный критерий субстанции
таков: то, что может существовать (или мыслиться) (только) как субъект и ни-
когда как (только) предикат (или определение) чего-либо еще (или других ве-
щей) (см. [В 149, 186, 288])» [11, р. 268 – 269]. Однако из этого еще не следует, что
лишь партикулярии могут играть роль субъекта в суждениях. Уже Аристо-
тель, разбирая данную проблему, сначала описывает первые сущности как па-
радигматический субъект, а затем расширяет круг претендентов на роль субъ-
екта суждения. Аристотель выделяет безусловные субъекты: «Сущность, назы-
ваемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, — это та, ко-
торая не говорится ни об одном подлежащем и не находится ни в одном под-
лежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь» [1, с. 55].
И далее, чтобы подчеркнуть субстанциальный аспект категории «сущность»,
Аристотель добавляет: «...все другое... или говорится о первых сущностях как
подлежащих, или же находится в них как в подлежащих. Поэтому если бы не
существовало первых сущностей, не могло бы существовать ничего другого»
[1, с. 56]. Заметим, что у Аристотеля это метафизическое, а не логико-грамматическое
соображение. В логико-грамматическом отношении он склонен при-
числять к возможным субъекты суждений и вторые сущности — виды и роды:
«Что же касается вторых сущностей, то вид сказывается о единичном, а род —
и о виде, и о единичном» [1, с. 59]. Получается, что, по Аристотелю, сущности
могут быть субъектами суждений, а то, что находится в сущностях, — не мо-
жет. Аристотель выделяет в особые объекты мысли то, что «находится в подле-
жащем, но не говорится ни о каком подлежащем», и приводит примеры:
«...определенное умение читать и писать находится в подлежащем — душе,
но ни о каком подлежащем не говорится как об определенном умении читать
и писать. И определенное белое находится в подлежащем — в теле (ибо всякий
цвет — в теле), но ни о каком подлежащем не говорится как об определенном
белом» [1, с. 54]. Мы встречаемся здесь с различением видов предикации. То,
что может предикцироваться, и то, чему можно предикцировать, — это вторые
сущности; то, что может предикцироваться, но чему нельзя предикцировать, —
это «то, что находится в подлежащем». Если добавить к перечисленному пер-
вые сущности, которым можно предикцировать, но которые не могут предикци-

роваться, то мы получим полный перечень видов существования по отношению к проблеме предикации. Эту аристотелевскую традицию продолжает Стросон в «Индивидах», хотя ни словом не упоминает о различениях, проведенных Аристотелем. Стросоновские партикулярии довольно точно соответствуют аристотелевским первым сущностям. Нам осталось понять, чему у Стросона соответствуют вторые сущности и «то, что находится в подлежащем». Естественные кандидаты на эту роль — универсалии. Стросон различает три их класса: видовые, характеризующие и универсалии-особенности⁴. О последнем классе пока умолчим⁵, а первые два довольно точно соответствуют аристотелевским понятиям второй сущности и «того, что находится в подлежащем». Стросон начинает свое рассмотрение проблемы с различения «между видовой, или *вводящей примеры*, связью и характеризующей связью» [5, с. 193]. На этом основании он различает видовые и характеризующие универсалии. «Человек» будет видовой универсалией, а «белый» — характеризующей. С некоторыми оговорками Стросон принимает следующее положение: «...некоторые общие имена партикулярий вводят в рассмотрение видовые универсалии, тогда как глаголы и прилагательные, применимые к партикуляриям, вводят в рассмотрение характеризующие универсалии» [5, с. 193]. Различие видовых и характеризующих универсалий по отношению к предикации обуславливается их различным отношением к партикуляриям:

Видовая универсалия добавляет принцип для различения и исчисления индивидуальных партикулярий, которые она объединяет. Она не предполагает никакого предшествующего принципа или метода для индивидуализации партикулярий, которые она объединяет. С другой стороны, характеризующие универсалии, поскольку они добавляют принципы группировки и даже исчисления партикулярий, добавляют такие принципы только для партикулярий уже выделенных или вообще выделяемых, в соответствии с некоторым предшествующим принципом или методом [5, с. 193].

Тем самым видовая универсалия в суждении выполняет функции, схожие с партикуляриями (т.е. она связана с принципами выделения партикулярий), а характеризующая сама не выделяет партикулярии, а относится к уже выделенным каким-то другим образом.

Еще одно усовершенствование нашего метаправила связано со стросоновским понятием партикулярии. «Эмпирическое созерцание тела в опыте», о котором говорит Кант в отрывке из «Критики чистого разума», напоминает нам стросоновское понятие базисных партикулярий, к которым сводимы остальные партикулярии, возможно, не имеющие пространственно-временного статуса. В каком-то смысле Кант предвосхищает стросоновское решение проблемы — партикулярия как парадигма для логического субъекта, а выражение для распознающего обозначения партикулярий — как парадигма для выражений логического субъекта в языке. Кантовское «эмпирическое созерцание тела в опыте» практически совпадает с тем, что Стросон называет «распознавание базисных партикулярий». Следовательно, кантовское условие говорит о том, что понятие может рассматриваться только в качестве субъекта в суждении, если существует способ распознавания какого-либо предмета этого понятия как базисной партикулярии.

⁴ Лучше сказать — массовые, или вещественные, универсалии (feature universals).

⁵ Аргументацию в пользу того, что в концепции Стросона достаточно рассмотрения только двух видов универсалий — видовых и характеризующих, — см. в [9].

Таким образом, концептуальная схема, по Стросону, основана на различении следующих видов объектов: партикулярий, видовых универсалий и характеризующих универсалий. Эти соображения позволяют дать новую трактовку нашему трансцендентальному ограничению, теснее увязав его с онтологией.

(ТО^{с*}): В категорическом суждении партикулярия может играть роль субъекта и не может играть роль предиката, видовые универсалии⁶ могут играть роль и субъекта, и предиката, а характеризующие универсалии всегда играют роль предиката и не могут играть роль субъекта.

Собственно говоря, (ТО^{с*}) является уточнением нашего (ТО^{*}) с точки зрения стросоновской онтологии партикулярий и универсалий. Значение этого уточнения состоит в том, что оно заменяет довольно искусственное понятие «субстанциальное аналитическое суждение» из (ТО^{*}) на онтологическое различие, что в точности соответствует нашему замыслу — ввести в процедуру дедукции такие негативные эвристики, которые бы имели ясное онтологическое обоснование.

Правда, сам Стросон не придерживается строго этого принципа и настаивает на том, что характеризующие универсалии также могут играть роль субъектов суждений:

...Чтобы разрешить предидирование универсалий универсалиям, нам следует показать, что существуют безотносительные связи между универсалиями и универсалиями, аналогичные характеризующим или видовым связям между универсалиями и партикуляриями. И конечно, такие аналогии находятся с легкостью. Разве представление разных видов как видов одного рода не схоже с представлением различных партикулярий как экземпляров одного вида? К тому же связь между различными музыкальными композициями, которые сами являются не партикуляриями, а типами, и их общей формой, например сонатой или симфонией, аналогична видовой связи между партикулярией и универсалией. Далее, представление о различных оттенках и цветах как ярких или мрачных, представление о различных человеческих качествах как о привлекательных или непривлекательных аналогично представлению различных партикулярий как характеризующих таким-то и таким-то образом. Во всех этих случаях мы представляем универсалии, собирающими другие универсалии способами аналогичными тем способам, при помощи которых универсалии собирают те партикулярии, которые являются их примерами или характеризуются ими [5, с. 198].

И это подводит его к следующему выводу:

Таким образом, заложив в фундамент случая, когда y предидируется x , тот случай, когда о x (партикулярии) утверждается, что либо она является примером, либо характеризуется посредством y (универсалии), и переходя отсюда к рассмотрению других случаев, при помощи аналогии или распространения можно построить смысл «предидировать», для которого верно, что можно и свободно предидировать универсалии, и предидировать им (как субъектам) другие объекты, тогда как партикулярии никогда нельзя свободно предидировать, хотя им (как субъектам) можно предидировать объекты и они могут быть частями того, что предидируется [5, с. 199].

---

⁶ Хотя и для видовых универсалий существуют ограничения. Так, категории, поскольку они являются универсальными предикатами, не могут играть роль субъекта суждения, хотя и могут быть видовыми универсалиями, например сама категория субстанции. Однако и здесь есть проблемы. К примеру, в связи с такими понятиями, как категории, в литературе по онтологическому анализу в компьютерной науке вводится понятие «рассеивающие универсалии» ("dispersive universal"), которые не относятся непосредственно к партикуляриям, по крайней мере не содержат принципов распознавания партикулярий (см. [8]).

Впрочем, замысел Стросона состоял в обосновании уникальной роли партикулярий в нашей концептуальной схеме. К тому же он имеет дело с естественным языком. Моя же цель — применение трансцендентальных ограничений для организации процедуры дедукции в стандартизованных фрагментах естественного языка (силлогистика) или в формализованных языках. Поэтому следует выяснить, к каким заключениям приводит позиция Стросона, например, в силлогистике. Каково значение того, что характеризующие универсалии могут быть субъектами суждений? Для примера рассмотрим суждение «Все люди добрые». «Добрый» здесь — характеризующая универсалия. Если обратить это суждение, то получится «Некоторые добрые — люди». Вопрос заключается в том, что эта универсалия представляет собой в качестве субъекта суждения? Если в исходном суждении «добрый» — это *свойство* человека⁷, то в заключении обращения речь идет не о свойстве, а о множестве существ, обладающих свойством «быть добрым»; более точная формулировка этого суждения: «Некоторые добрые существа — люди». Таким образом, мы не можем просто употребить характеризующую универсалию как субъект суждения, мы ее рассматриваем как характеристику («добрый») некоторой видовой универсалии («существо»). Этот простой пример показывает, что в ходе осуществления умозаключений, содержащих смену ролей субъектных и предикатных терминов, приходится уточнять интерпретацию характеризующей универсалии. Если в исходном суждении можно не уточнять, каким образом мы понимаем предикат «добрый» — как свойство (интенционально) или как множество добрых существ (экстенционально), — то уже операция обращения заставляет нас принять экстенциональную трактовку. И это неудивительно, поскольку субъект попадает в область квантификации по объектам, составляющим объем данного понятия («все» или «некоторые»), что и заставляет принять экстенциональную его трактовку. Если же мы принимаем интенциональную трактовку как свойства, то характеризующая универсалия не может играть роль субъекта, поскольку в таком случае придется ввести уже абстрактное понятие «доброта», а исходная универсалия станет элементом объема абстрактного понятия «доброта». (ТО*) наводит на мысль о фундаментальной асимметрии видовых и характеризующих универсалий: суждения с видовыми универсалиями свободно обращаются, а с характеризующими — нет. Основания для этого опять-таки можно найти у Стросона. Как уже упоминалось, видовая универсалия содержит в себе принцип для различения партикулярий, а характеризующая — нет; последние применяются к уже выделенным партикуляриям, для применения их к новым необходима дополнительная работа по выделению (распознаванию) этих партикулярий и установления у них наличия свойства, соответствующего характеризующей универсалии (см. [5, с. 193]).

Другое основание взгляда Стросона, согласно которому характеризующие универсалии могут играть роль субъекта, состоит в том, что он отождествляет свойство «быть мудрым» и абстрактное понятие «мудрость». В статье «Понятия и свойства» Стросон перечисляет ряд предложений, в которых, по его мнению, понятие «мудрость» и свойство «быть мудрым» употребляются совершенно аналогичным образом [10, р. 89]. Однако здесь возникают две проблемы. Первая: в приводимых у Стросона примерах и понятие, и свойство играют роль предиката. Он не обсуждает, равносиль-

⁷ То, что Аристотель называет «находящимся в сущности».

ны ли они, употребляемые как субъекты. Вторая более существенна. Понятие «мудрость» и свойство «быть мудрым», безусловно, связаны между собой. Проблема здесь в том, каким образом они связаны. Понятие «мудрость» — абстрактное; это означает, что объемом данного понятия является само свойство «быть мудрым», а значит, употребление понятия «мудрость» поднимает нас на следующий уровень иерархии объектов — на уровень абстрактных объектов. Значением абстрактного термина «мудрость» выступает абстрактный объект, поэтому возможность квантификации этого термина в качестве субъекта означает допущение в нашей онтологии абстрактных объектов как самостоятельных сущностей. Но в кантовской онтологии, о которой мы ведем речь, понятия, появляющиеся в роли субъекта, должны быть проинтерпретированы при помощи схем, выражающих чувственные условия их применимости к предметам возможного опыта, а это означает, что они не могут быть абстрактными. Следовательно, характеризующие универсалии — с учетом кантовской онтологии — могут играть роль предиката суждения, но не могут играть роль субъекта, что и утверждается нашим метаправилом (Т0^{с*}).

Список литературы

1. Аристотель. Категории // Аристотель. Соч.: в 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 53–90.
2. Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. Вып. 26. Калининград, 2006. С. 148–167.
3. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1966. Т. 3. С. 69–799.
4. Кант И. Метафизические начала естествознания // Там же. Т. 6. М., 1966. С. 53–176.
5. Стросон П. Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики / пер. с англ. В. Н. Брюшинкина, В. А. Чалого; под ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград, 2009.
6. Фреге Г. О понятии и предмете // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сб. тр. / пер. с нем. Б. В. Бирюкова; под ред. З. А. Кузичевой. М., 2000.
7. Bryushinkin V. The Interaction of Formal and Transcendental Logic // Proceedings of the Eighth International Kant Congress. Memphis 1995. Milwaukee, 1995. С. 553–566.
8. Guizzardi G., Wagner G., Sinderen M. van. A formal theory of conceptual modeling universals // Workshop on Philosophy and Informatics (WSPi). Cologne, 2004. URL: <http://purl.utwente.nl/publications/49866> (дата обращения: 13.09.2011).
9. Sen P. Strawson on Universals // Universals, Concepts and Qualities: New Essays on the Meaning of Predicates / eds. P. F. Strawson, A. Chakrabarti. Burlington, 2006. P. 17–48.
10. Strawson P. F. Concepts and Properties or Predication and Copulation // Strawson P. F. Entity and Identity and other essays. Oxford, 1997. P. 83–91.
11. Strawson P. F. Kant on Substance // Ibid. P. 268–280.
12. Strawson P. F. Subject and Predicate in Logic and Grammar. L., 2004.

Об авторе

Брюшинкин Владимир Никифорович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Балтийского федерального университета им. И. Канта, vbriushinkin@kantiana.ru.

About author

Prof. Vladimir N. Bryushinkin, Head of the Department of Philosophy, Immanuel Kant Baltic Federal University, vbriushinkin@kantiana.ru.